

«Одно говорю, ... нет сил одной все делать!» Тактики и стратегии повседневной жизни женщин Самарской губернии в 1920–1930-е гг.

Научный руководитель – Кобозева Зоя Михайловна

Алексеенко Елена Вячеславовна

Студент (магистр)

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П.

Королева, Социально-гуманитарный институт, Самара, Россия

E-mail: elenaalekseenko163@yandex.ru

Когда рушится одна жизнь и на её обломках вырастает новая, «маленький человек» оказывается в ситуации необходимости адаптироваться к изменившимся условиям, что придает его тактикам и стратегиям повседневного существования новый характер. Особенно интересен в ситуации социально-политических катастроф - мир слабых, к которому можно отнести женщин, детей и стариков. Женщины, в силу особенностей своего физиологического состояния, испытывают двойной стресс: общечеловеческий, вызванный сменой политической власти, и физиологический, связанный, к примеру, с беременностью, родами, кормлением детей и т.д. В этой связи анализ того, как женщина в своей повседневной жизни адаптируется к новым условиям, какие использует повседневные тактики и стратегии выживания, представляет несомненный научный интерес и является актуальной темой в связи с поиском новой парадигмы антропологически ориентированной истории.

В Советском Союзе численность рабочего класса росла с беспрецедентной быстротой, изменялся его социальный состав. Ещё более стремительно возросла роль женского труда: ни в одной стране мира доля женщин в составе рабочего класса не стала столь значительной за такое короткое время. К 1930 г. на производство в стране пришло 473 000 женщин, что в 4 раза превышало численность новых работниц 1929 г. [2].

Самарские женщины с большим энтузиазмом относились к своему новому статусу в профессиональной сфере: «говорят, то мы женщины должны быть готовы к войне: учиться стрелять, санитарному делу и т.д. Но и кроме того повышать свою квалификацию, чтобы могли замещать мужчин в нашем строительстве ... если наши мужья пойдут на фронт, мы здесь сумеем постоять за Советскую власть, за интересы трудящихся» [4].

Женщина в советском обществе, приобретя экономическую независимость от мужчины, начинает активно участвовать в общественной жизни страны. Женщины Самарской губернии были членами профсоюзов, потребительской кооперации, числились в партийных списках, а также фигурировали в работе женотделов и делегатских собраний. Но на деле общественная работа не привела к освобождению женщины от «домашнего рабства», а только расширила круг её обязанностей.

Фонды, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории, позволяют анализировать детали без отрыва от макроисторического контекста. Товарищ Вомина пишет руководителю делегатского делегатского собрания товарищу Балахниной: «Одно говорю, что с работой я не справляюсь и нет сил одной все сделать: не знай идти собирать женщин, писать отчеты, списки и т.п. А у меня еще кроме, пионеры, школа, а там сельсовет ругает... Откровенно говоря. Иногда жрать некогда. Придешь, а тебе уже повестки принесли. И думаешь, что делать, куда идти? Ей-ей сума сойду скоро... Иногда ходишь по неделе и более грязная. Честное слово хоть душись. Ну как быть. Скажите» [5].

Идя от «человека», а не от объективных закономерностей, мы, вполне возможно, подтвердим их, но обязательно реконструировав «живую личность» [1].

В Самарской губернии на совещании женщин делегаток XIV-го губсъезда Советов в 1927 году т. Моисеева из Мелекеевского уезда отмечала, что «многие мужчины на женщин не смотрят как на человека» [6]. Для снятия с должности председателя Крестьянского комитета общественной взаимопомощи ей пришлось обращаться в ячейку ВКП(б), поскольку сам председатель никакого внимания не обращал. На совещании её поддержала тов. Филиппова из Ставропольского уезда: «у нас тоже ещё над женщинами смеются, когда начинают работать в обществе. Нужно дать директиву, чтобы изжить такое явление» [6]. Поэтому в резолюции был отмечен такой недочёт в области вовлечения женщин в работу как «неблагоприятная обстановка для работы женщины, создаваемая мужской частью» .

В профессиональной деятельности женщины подвергались гендерной сегрегации, поскольку наибольший процент тружениц был представлен в области медицинского и социального обеспечения, а наименьший - в промышленной сфере, которая традиционно считалась мужским занятием. Иностранцы специалисты, приезжавшие в СССР, удивлялись плохой дисциплине. Инженер компании Форда П. Макгрегор в 1929 г. жаловался дирекции завода «Красный Путиловец», что «За всю свою жизнь я повидал меньше девушек, занятых тяжелым ручным трудом, чем за один час, проведенный здесь» [7].

Трудности возникали, когда на завод Форда в Америку командировали для обучения методам производства женщин: работу в цеху компания считала делом сугубо мужским. Когда одну настойчивую практикантку всё-таки допустили в цех, мастер не разрешал ей обедать вместе со всеми рабочими - «мисс, ведь среди них есть негры!». Ситуацию урегулировали, но начальник Автостроя С.С. Дыбец телеграфировал из Америки в отдел кадров: «Посылку женщин прекратите» [8].

Таким образом, становление советской женщины происходило в условиях жесточайшего давления не только со стороны власти, но и со стороны внешних условий, в которых они оказались поставлены в 1920-е годы: война, голод, разруха. У женского населения не было иного выхода, кроме как адаптироваться к изменившейся обстановке. Им приходилось выработать собственные тактики и стратегии выживания в эту сложную, переходную эпоху. Новая советская идентичность формировалась двумя векторами. Под гнетом тоталитарного террористического государства: в условиях поглощения общества, атомизации общества, лишения средств производства, в том числе и производства себя как личностей. Однако в рамках этой концепции невозможно было ответить на вопрос, как и за счет чего, помимо насилия и террора, эта система строилась и держалась. Второй вектор представлял собой мощную систему пропаганды, целью которой было воспитать высококвалифицированного специалиста, способного решить насущные проблемы молодого советского государства. Советская женщина находилась в ситуации обременения все более и более новыми социальными ролями, оставаясь при этом женой, матерью, дочерью, сестрой. Женщина «биологическая» должна приспосабливаться к социальному пространству новой социалистической эпохи [3]. «Игра в идентичности» была основной стратегией выживания женщин ранней советской эпохи. Отнюдь не государство распределяло роли жертв или агентов политической системы.

Источники и литература

- 1) Бурдые П. Социология социального пространства. М.-СПб., 2005. С. 31.
- 2) Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.) / пер. с англ. В.Ю. Любовской. М., 2010. С. 7.
- 3) Кобозева З.М., Скачкова У.О. Женщина социальная и женщина биологическая в тисках ранней советской эпохи 1920-х гг. [Электронный ресурс].

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-sotsialnaya-i-zhenschina-biologicheskaya-v-tiskah-ranney-sovetskoj-epohi-1920-h-gg>.

- 4) Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2550. Л. 65.
- 5) Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 73. Оп. 274. Д. 1. Л.16. Л.17.
- 6) Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 1058. Л. 26.
- 7) Шпотов Б.М. Западные источники индустриализации СССР (конец 1920-х - 1930-е гг.). [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/30/1217471628/shpotov.pdf>.
- 8) Шпотов Б.М. Не дано нам было историей тише идти. техническая помощь Запада советской индустриализации. URL: <http://www.pseudology.org/razbory/IndustriaGAZ.htm>.